

A detailed oil painting of a man with a thick brown beard and mustache, wearing a dark blue coat with brass buttons and a white cravat. He is seated at a wooden desk, writing with a quill pen on a large map. A lit candle in a brass holder is on the left, and a window on the right shows a night view of a city with a bridge and boats. Bookshelves are visible in the background.

Константин Погудин

Голос вершин

Константин Погудин

Голос вершин

<https://litres.ru/74610024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга из серии о станциях. Октябрь 1735 года. Из Амстердама приходит письмо: Якоб Ван Хорн, самый богатый и самый тихий купец Европы, выехал за шестой станцией. Огюстен Мерсье расшифровывает карту, найденную в Доме Света: станция лежит в самых высоких горах мира и откроется только в день весеннего равноденствия, когда луч Солнца пойдёт вдоль земли. До этого дня остаётся пять месяцев, а дорога лежит через Египет, Красное море, Индию и Кашмир.

Против муссона, через раджпутские крепости и суратские интриги экспедиция идёт к горам. Раджа Ранджит Сингх предлагает быстрый путь в обмен на свою дочь Падму, которая слышит звёзды. Проводница Дольма ведёт по снегу, где каждая песня может сорвать лавину. А в долине, где звук не возвращается, а уходит, ждёт человек, который десятилетиями считал время и ни разу не слушал.

Новая книга цикла — о том, как голоса переживают тех, кто их произнёс, о цене знания и о том, что считать можно только вместе.

Содержание

Глава первая. Равноденствие в календаре	4
Глава вторая. Нил и Красное море	13
Глава третья. Суратский порт	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Погудин

Голос вершин

Глава первая. Равноденствие в календаре

Равноденствие в календаре

Письмо пришло в Триполи на третий день после их возвращения, и принёс его не почтальон, а грязный, оборванный мальчишка-грек, который бежал за экипажем консула Барклая от самой гавани и кричал на трёх языках, что у него есть послание «для господина с картами».

Мерсье вышел на крыльцо в халате, не выспавшийся, с пером за ухом. Он вторую ночь подряд сидел над оттисками из Дома Света, над рядами кругов и точек, которые каждый раз раскладывались по-новому, и поначалу не понял, что от него хотят.

— Господин Мерсье? — Мальчишка поднял над головой конверт. — Из Алжира. От человека, который велел сказать: «Плата за дорогу». Он уехал. Больше ничего не знаю.

Монета упала в грязную ладонь. Мальчишка исчез так же быстро, как появился.

Конверт был лёгкий, почти невесомый, без печати. Мерсье вскрыл его прямо на крыльце. Внутри лежал один листок, плотно исписанный ровным, почти каллиграфическим почерком, который он видел в Тенере: этим почерком Кремье переписывал список припасов.

Они собрались в тот же вечер в большой комнате консульства, где под потолком лениво вращался привезённый из Лондона вентилятор, а на столе стояли остывшие кофейники и тарелка с финиками.

Барклай, хозяин дома, сидел в углу в кресле, по привычке

сложив пальцы домиком. Блэквуд стояла у окна, в тёмном дорожном платье, с распущенными после ванны волосами, и казалась в этот час гораздо моложе. Торн расположился у камина, где угли тлели без нужды: в Триполи октябрь был тёплым. Рядом на диване сидели Амара и Ууна, и Ууна, как всегда, сидела на самом краю, готовая вскочить. Инес читала бумаги, Бонвиль чистил оружие, которое теперь снова можно было достать из ящика, Хейл раскладывал перед собой письменные принадлежности, Финч, недавно сошедший с «Сент-Клэр», стоял у двери, как всегда готовый уйти.

Мерсье развернул письмо.

— Я прочту, — сказал он. — Целиком. Потому что каждое слово здесь написано человеком, который понимает, что делает.

Он помолчал и начал:

— «Мадам, господа. Вы вправе не верить мне, и я не стану вас убеждать. Я пишу то, что обещал, и ничего больше.

Мой хозяин, Якоб Ван Хорн из Амстердама, родился в 1675 году в семье мелких торговцев сукном. К сорока годам он владел тремя кораблями, к пятидесяти пятнадцатью, а сейчас, по моим подсчётам, лично или через подставных лиц контролирует около сорока. Он коллекционирует часы. У него их шестьсот сорок девять, и все они идут точно. Он считает, что точность — единственная добродетель, достойная человека. Остальное, по его словам, суть сентиментальность.

Двадцать лет он ищет то, что вы называете станциями. Он узнал о них не от учёных, а от иезуитов, вернувшихся из Китая. В записках отца Грюбера, умершего в Лхасе, упоминается «поющая долина», где горы говорят на языке, который можно записать. У Ван Хорна эта запись есть. У меня её нет. Но я видел, как он смотрит на карту Азии. Он смотрит на неё как на кассу.

Я не знаю, где именно находится шестая станция. Но я знаю другое. Три месяца назад в Амстердаме он нанял людей. Не таких, как я. Не купцов и не клерков. Горцев. Моряков с Явы. Двух бывших офицеров ост-индской компании. И он нанял врача, который специализируется на лёгочных болезнях в высокогорье. Человек, который готовится идти на двадцать тысяч футов, знает, куда идёт.

Он выехал из Амстердама в августе. Если ваши расчёты верны, вы опережаете его на два месяца. Не теряйте ни одной недели.

Я не прошу прощения за то, что сделал. Но мне стало ясно в тот день, когда Ибрагим-ага (я теперь знаю его настоящее имя и не смею его произнести) прижал меня к стене, что я всю жизнь служил не тому. Это не оправдание. Это признание.

К.»

Он положил письмо на стол. В комнате стояла тишина.

— Двадцать тысяч футов, — медленно сказал Хейл. — Это не пустыня.

— Это воздух, в котором человек теряет разум, — подтвердил Бонвиль.

— Он ждал нас, — сказал Торн. — Нет. Он ждал, пока мы всё сделаем.

— Он всегда ждал, — сказала Блэквуд. — Вопрос в том, что он знает.

Мерсье развернул на столе карту.

Это была та самая карта, которую он набросал по памяти в Доме Света, пока свет ещё стоял столбом и пальцы не успели отвыкнуть от каменного пола. Одиннадцать точек, пять закрашенных. Шестая, обведённая кружком, лежала на северо-востоке, и от неё тянулся знак: гора, а над горой солнце с лучом, идущим вбок.

— Я не буду скрывать, — сказал он. — Пока мы сидели здесь, я перерыл все свои записи. Знак равноденствия не оставляет сомнений: когда ось Земли не наклонена к Солнцу ни в одну сторону, когда день равен ночи, луч идёт параллельно земле. В Доме он падал сверху. Здесь он должен идти вдоль долины.

— Значит, долина, — сказала Инес.

— Долина с высокими стенами, с востока на запад. Чтобы луч утреннего солнца прошёл по ней, как свет по коридору, и ударил в какую-то точку, которую надо найти. — Он провёл пальцем по карте. — По масштабу, по высоте пика, который они нарисовали, и по записям отца Грюбера, которые Кремье не назвал, но я знаю его труды, это Каракорум. Или

Гиндукуш. В любом случае севернее Кашмира, на границе, где Индия переходит в Тибет.

— Сколько времени? — спросил Финч.

— Равноденствие в марте. По новому стилю семнадцатое, по старому шестое, но Ван Хорн считает по-голландски, а значит, по григорианскому. Расхождение в одиннадцать дней в нашем веке. Одиннадцать дней, мсье Финч. — Мерсье усмехнулся. — Разве это не странно? Но я не стану полагаться на совпадение. Нужен запас.

— Пять месяцев, — сказал Финч. — С двумя пересадками по суше и одной по морю.

— Пять месяцев и одна неделя.

— Невозможно.

— Возможно, если не терять ни дня.

Финч помолчал. Он достал из кармана трубку, набил её, но не закурил.

— Я капитан «Сент-Клэр», — сказал он. — И я скажу вам, что на судне, которое выдержало Дрейфующий лёд и сахарский ветер, я готов идти куда угодно. Но не через сушу. Скажите мне, как вы собираетесь добраться до Индии, и я скажу, возможно ли это.

Решение складывалось медленно, как мозаика.

Инес и Барклай развернули на столе другую карту, торговую, с красными линиями купеческих путей. Если идти напрямик, через Персию, получалось быстрее, но Персия в тот год была в огне: армии Надир-хана гуляли от Каспия до Ге-

рата, и европеец без охранной грамоты рисковал головой. Оставался путь по воде и по суше вперемешку: Александрия, Каир, перевал через Суэц, Красное море, затем океан до индийского побережья.

— На всё про всё, — сказал Барклай, постукивая карандашом, — семь недель, если ветер будет благоприятен. Если нет, десять. Потом Сурат, потом Агра, Дели. Там караваны в Кашмир идут по весне, но можно найти раджу, который даст людей и мулов.

— Я знаю одного, — вдруг сказала Блэквуд. — Раджа Ранджит Сингх. Мой отец вёл с ним переписку лет двадцать назад. Мелкий, но гордый. Княжество у предгорий Гималаев, близко к Кашмиру. У него хорошие горные проводники, и у него долги.

— Долги?

— Много. И это единственное, что меня тревожит. — Она повернулась. — Человек в долгах продаётся тому, у кого есть золото. А у Ван Хорна его много.

Торн, сидевший молча у камина, поднял голову.

— Я могу помочь, — сказал он. — В Лондоне у меня остались связи. Королевское общество, Адмиралтейство, несколько банкиров, которые мне обязаны. Я могу написать письма, и они придут в Сурат раньше нас. Если раджа задолжал лондонскому дому, а это вполне возможно, потому что я знаю половину домов в Лондоне, я могу выкупить его долги или по крайней мере договориться о рассрочке.

— Вы потратите свои деньги?

— Я потрачу то, что получил за двадцать лет службы Совету Долготы. — Он слабо улыбнулся. — Не такой уж плохой способ их использовать.

Блэквуд посмотрела на него долго, и в этом взгляде, который раньше Мерсье не раз читал как настороженный, он вдруг увидел что-то другое. Не доверие, пожалуй. Но признание.

Было уже поздно, когда они разошлись.

Мерсье остался в комнате один. Он сидел над картой, водя пальцем по линии, идущей на северо-восток, и в голове у него вертелись арифметические выкладки. Пять месяцев. Одиннадцать станций, и ни одна не далась легко. Шестая лежала дальше всех, выше всех, и он вдруг почувствовал, как давно уже в пути.

За дверью раздались мягкие шаги.

— Не спите, — тихо сказала Амара. Она остановилась на пороге, босая, закутанная в шаль. — Я тоже не могу.

— О чём думаете?

— О горах. — Она подошла и села рядом. — Я никогда не видела гор. Только море и пустыню. Там всё ровное. Говорят, что в горах звук живёт иначе. Что он отскакивает от скал и возвращается. Что можно кричать и слышать собственный голос через минуту.

— Это называется эхо.

— Я знаю, как оно называется. — Она улыбнулась. — Но

я не слышала. Мне страшно, Огюстен. Не от высоты. От того, что в горах мой голос может перестать мне подчиняться.

— Это не страшно, — сказал он осторожно. — Это просто новый инструмент.

— Новый, — повторила Амара задумчиво. — Да. Только я ещё не знаю, на чём он играет.

Они сидели рядом, глядя на карту. За окном, над крышами Триполи, высоко и холодно горели звёзды. Одна из них, на северо-востоке, блестела особенно ярко, и Мерсье, сам не зная почему, не мог отвести от неё глаз.

— Утром отплываем в Александрию, — сказал он. — Если ветер будет добрым.

— Будет, — ответила Амара. — Я слышу.

Он не стал спрашивать, что именно.

Глава вторая. Нил и Красное море

Нил и Красное море

В Александрии они пробыли ровно двое суток.

«Сент-Клэр» остался в гавани под присмотром помощника, потому что дальше, к Красному морю, водного пути не было: между Нилом и Суэцем лежали сто миль сухой зем-

ли, и ни один капитан в мире не мог перенести через них корабль. Финч принял это спокойно, как принимал всё, что нельзя изменить. Он передал помощнику ключи, письма и четыре сундука с оттисками, выдал матросам жалованье вперёд и сам стал собирать дорожную сумку.

— Вы остаётесь? — спросил его Мерсье у трапа.

— Нет, — ответил Финч. — Я иду с вами. Кому-то надо выбрать корабль в Суэце, а вы, мсье, купите первую же лодку с дырявым дном, если она будет красиво называться.

— Это несправедливо.

— Это опыт.

Он улыбнулся так редко, что Мерсье растерялся. Но Финч уже шёл вниз по трапу, и широкая спина его в старой куртке не оставляла места для разговора.

От Розетты они поднимались по Нилу на двух больших фелюгах с треугольными парусами.

Река была широкой, мутной, ленивой, и берега её, плоские, зелёные, густо заселённые, казались Мерсье бесконечной картой, на которой кто-то раз и навсегда нарисовал одно и то же: пальмы, глиняные домики, буйволов в воде и ребятишек, машущих проплывающим лодкам. Он стоял на корме, закутавшись в лёгкий плащ, и записывал высоту солнца каждые полчаса, потому что в этой стране, как ему казалось, время текло иначе, и ему хотелось поймать его за хвост.

— Вы хотите знать, сколько осталось до гор? — спросила Инес, подойдя с чашкой кофе.

— Я хочу знать, не лжёт ли календарь.

— Календарь не лжёт.

— Он лжёт ровно на одиннадцать дней. — Он улыбнулся.

— Вы никогда не задумывались, как странно, что именно это число всё время возвращается?

Инес поставила чашку на борт.

— Я задумывалась. Но потом поняла: когда ищешь число, оно везде. Это называется предвзятостью восприятия. Вы насмотрелись на одиннадцать и теперь видите его в каждом углу.

— А если нет?

— Тогда это называется судьбой. — Она пожала плечами.

— Но я бы выбрала предвзятость. Она хотя бы объяснима.

Мерсье рассмеялся и больше не возвращался к этому разговору. Но вечером, когда фелюги встали на ночлег у какого-то безымянного селения, он долго сидел на палубе, глядя на звёзды над Нилом, и считал про себя до одиннадцати и обратно.

В Каире их встретила жара другого рода, плотная, пыльная, наполненная запахами, голосами и колокольным звоном с минаретов.

Город оказался гораздо больше, чем они ожидали: лабиринт из переулков, на каждом углу рынки, рынки на рынках, где продавали всё, от слоновой бивня до живых попугаев. Барклай заранее написал письмо старому торговцу по имени Махмуд-эфенди, и тот встретил их на пороге собственного

дома, коренастый, седобородый, в белом тюрбане, и провёл через три двора в прохладную комнату с фонтаном.

— Вам нужен караван до Суэца, — сказал он по-французски, не спрашивая. — Верблюды, проводники, охрана. Три дня пути. Это можно. Но за деньги. Много денег.

— Сколько? — спросила Блэквуд.

— Вдвое больше, чем вчера.

— Почему?

— Потому что вчера, — старик развёл руками, — пришёл голландец и купил всех верблюдов на пять дней вперёд.

В комнате стало тихо.

— Какой голландец? — медленно спросил Торн.

— Тихий. Вежливый. Серый костюм, серые глаза. Заплатил золотом, ничего не торговал. Сказал, что ждёт гостей и хочет, чтобы им ни в чём не было отказано. — Махмуд-эфенди помолчал. — Я не хотел вам говорить. Но это нехорошо, когда кто-то хочет, чтобы вам было слишком хорошо.

— Он знает, что мы здесь, — сказала Блэквуд. — И он знает, что мы идём в Суэц.

— Но где он сам? — спросил Бонвиль.

— Не знаю. Но у него длинные руки. Здесь, в Каире, все его знают, хотя никто не знает, кто он.

Мерсье подошёл к окну. Во дворе журчал фонтан, и в воде, на дне, лежали блестящие монеты, брошенные на счастье. Он смотрел на них и думал: Ван Хорн не человек. Это система. Он расставляет людей, как шахматные фигуры, а сам

сидит в тихой комнате в Амстердаме и слушает щелчки сотен часов.

— Нужны верблюды, — сказал он. — Любые. Я заплачу вдвое.

— Господин Мерсье, — тихо сказал Махмуд-эфенди, — верблюдов нет.

— Тогда ослы, — сказал Идрис.

Мерсье оглянулся. В дверях, в простом бурнусе, спокойный и тёплый, как всегда, стоял старый караванщик, и рядом с ним Амин.

— Вы здесь? — удивился Мерсье.

— Вы думали, мы вернёмся в Триполи и сядем торговать финиками? — Идрис усмехнулся в бороду. — Мансур остался присматривать за домом. А мы поехали следом. Господин, я сорок лет вожу караваны. Если в Каире нет верблюдов, значит, я не знаю Каира.

Верблюдов он нашёл за один день.

Это были не те великолепные горделивые животные, что шли с ним через Тенере, а мелкие, лохматые, злые, с кривыми зубами и скверным характером, принадлежавшие какому-то бедуинскому роду на окраине. Но они шли. И шли быстро.

Ночью накануне выхода случилось то, чего Мерсье втайне боялся.

Он проснулся от шороха. В темноте, в комнате, где он спал на соломенном тюфяке, что-то двигалось. Он приподнялся,

нащупал огниво и высек искру. Свет вспыхнул, и он увидел тонкую фигурку, скользнувшую к окну: мальчишку лет двенадцати, босого, в рваной рубахе, с каким-то свёртком под мышкой.

— Стой!

Мальчишка метнулся к подоконнику. Мерсье схватил его за щиколотку и рванул назад. Тот упал, выронил свёрток, закричал по-арабски что-то визгливое. В комнату с лампами ворвались Торн и Бонвиль.

Свёрток лежал на полу, раскрывшись. Внутри был его блокнот. Тот самый, в чёрном переплёте, где он зарисовал оттиски из Дома Света: одиннадцатилетнюю таблицу пятен, ряды «тишины» и холода, схему зеркал.

— Кто тебя послал? — сказал Торн мягко, присев на корточки.

Мальчишка молчал, вжавшись в стену.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого. Просто скажи.

— Серый господин, — прошептал мальчик наконец. — Он заплатил золотом. Сказал: принесёшь книгу, получишь ещё. Я не знал, что она важная.

— Где он?

— Не знаю. Он уехал. Утром. На юг.

— Куда на юг?

— В Суэц.

Торн медленно выпрямился. Лицо у него было странное.

— Значит, они идут впереди нас, — сказал он. — Не Ван

Хорн, а его люди. Серый тихий человек, который уже в Суэце и ждёт.

— Но блокнот у нас, — сказал Мерсье, прижимая его к груди.

— Они успели сделать копию, — сказала Блэквуд. Она стояла в дверях, бледная. — Мальчик был не первый. Он был второй. Первый ушёл, пока вы спали.

Мерсье посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха: от гнева, густого, холодного, какого он давно не испытывал.

— Они прочитают таблицы пятен, — сказал он. — Они поймут, что Солнце можно считать. И что то, что можно считать, можно продавать.

— Да, — сказала Блэквуд. — Но они не поймут главного.

— Чего?

— Что считать мало. Нужно ещё слышать. — Она подошла и положила руку ему на плечо. — Огюстен. Он украл цифры. У него нет голосов.

Суэц оказался грязным портовым городком на краю пустыни, с развалившимися складами, горами тюков и сотнями лодок, качавшихся в мутной воде. Финч сошёл на причал первым, с мрачным лицом, вдохнул воздух и сказал только:

— Плохо пахнет.

— Рыба?

— Деньги.

Он ушёл по пристани. Вернулся через три часа в сопрово-

вождении худого, черноглазого, очень старого араба в тюрьбане, у которого не хватало половины зубов.

— Это Хусейн, — сказал Финч. — Капитан «Аль-Бахра». Сорок лет в море. Знает каждую мель до Аденского залива.

— Корабль? — спросила Блэквуд.

— Самбук. Двадцать два фута в ширину, шестьдесят в длину. Два косых паруса. Берёт тридцать человек и груз. Хозяин берёт сорок фунтов золота до Сурата, и это дёшево.

— Подвох?

— Конечно, подвох. — Финч достал трубку. — Сейчас ноябрь. Муссон дует с северо-востока, то есть против нас. До Сурата можно дойти, но только галсами, вдоль берега, в три раза дольше, чем по ветру. Я сказал Хусейну, что мы согласны. Он сказал, что мы сумасшедшие.

— И?

— И что сумасшедших он любит. — Финч наконец закурил. — Если повезёт, будем в Сурате в середине января.

Мерсье быстро сосчитал в уме. Середина января. Потом Агра, потом Кашмир. Оставалось два месяца на весь путь к горам.

— Хватит? — спросил он.

— Не знаю. — Финч пожал плечами. — Но я знаю, что другого корабля нет. И что серый человек, которого вы ищете, не уехал на север.

— Откуда вы знаете?

— Я спрашивал в порту. Он нанял самбук «Аль-Дхараб»

шесть дней назад. Сказал: Мокка, потом Сурат. Они ушли на рассвете.

«Аль-Бахр» вышел из Суэца на следующее утро, в тумане, при слабом, но попутном ветре, и первые дни плавания были похожи на сон.

Красное море лежало под ними тёмно-синее, почти чёрное, и вода была настолько прозрачной, что на глубине в несколько саженей виднелись коралловые сады, огненные, лиловые, жёлтые, а между ними шныряли стаи рыб размером с ладонь. Ууна стояла у борта часами, свесившись через планшир, и смотрела вниз, не отрываясь.

— Там как лёд, — сказала она однажды. — Только тёплый. Лёд живой.

— Это кораллы, — объяснил Хейл. — Животные.

— Животные, которые строят дом?

— Да.

— Как мы, — сказала она и снова погрузилась в созерцание.

Жара росла. Люди спали на палубе, прикрывшись мокрыми тряпками, и к полудню не могли ходить босиком. Хусейн вёл самбук вдоль берега, выбирая ветер, как повар выбирает специи, и старый Финч, никогда не доверявший чужим кораблям, к концу недели уже сидел рядом с ним у румпеля и слушал рассказы о ветрах, у каждого из которых было своё имя.

На девятый день, ночью, Мерсье не спалось.

Он вышел на палубу. Море лежало гладкое, чёрное, лишь тихо шипела вода у борта. Над головой висело огромное южное небо с незнакомыми созвездиями. А вдали, на северо-востоке, в той стороне, куда шёл корабль, мерцала над горизонтом тонкая белая звёздочка.

Он узнал её сразу. Это была та самая, которую он видел из окна консульства. Он взял астролябию, навёл, сверился с таблицей. Звёзды в этом месте не было.

— Огюстен, — тихо позвал голос из темноты.

Это была Амара. Она сидела у мачты, закутанная в шаль, с закрытыми глазами.

— Вы слышите? — спросила она.

— Что?

— Море. — Она открыла глаза. — Оно поёт. Но не так, как раньше. Там, впереди, есть что-то, что поёт вместе с ним. Очень тихо. Как будто кто-то зовёт издалека.

— Это не может быть слышно отсюда. Горы за тысячи миль.

— Я знаю. — Она улыбнулась. — Но я слышу.

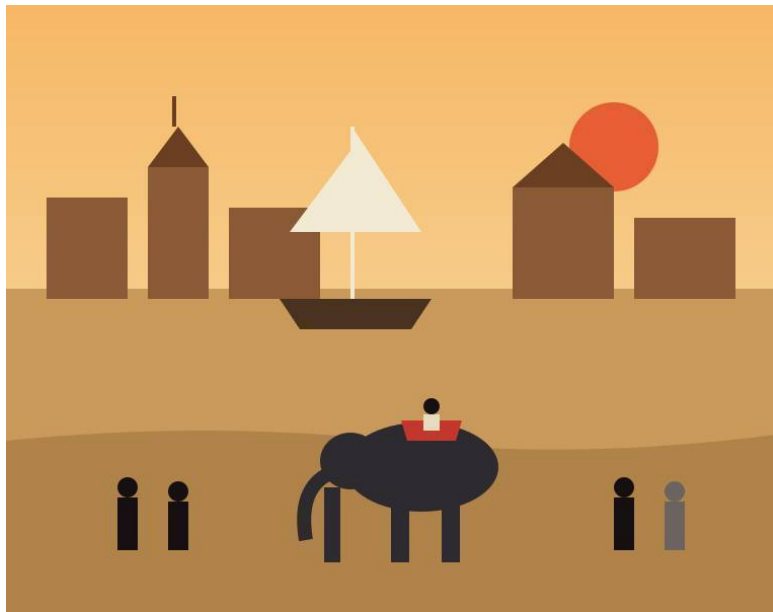
Мерсье опустил астролябию. Он стоял, глядя в темноту, где мерцала звезда, которой не было в таблицах, и ему вдруг стало ясно, что Ван Хорн, со всеми своими часами, не знает самого главного: что эта дорога ведёт не к месту. Она ведёт к голосу.

— Тогда будем слушать, — сказал он.

— Будем.

Самбук мягко качнулся. Над мачтой, вверху, тихо хлопнул парус. «Аль-Бахр» шёл на юг, к выходу из Красного моря, и до равноденствия оставалось меньше четырёх месяцев.

Глава третья. Суратский порт

Суратский порт

Сурат встретил их запахом, который Ууна потом описывала так: «Как будто весь мир сварили в одном котле».

Это был запах специй, горячего масла, тухлой рыбы, цветочных гирлянд, дыма от тысячи очагов, пота, духов, нагрет-

того камня и чего-то ещё, чему не было названия. Самбук «Аль-Бахр» подошёл к устью реки Тапти в середине января, на двадцать шестой день плавания, и когда Хусейн, измученный, чёрный от солнца, указал рукой на плоский зелёный берег с торчащими над ним башнями, никто сначала не поверил.

— Это Индия, — сказал он, улыбаясь остатками зубов. — Добро пожаловать, сумасшедшие.

Мерсье стоял у борта, держась за ванты. Он вымотался так, как не уставал со времён Гренландии, и мог бы заснуть стоя. Всю дорогу они шли против ветра, галсами, по сто миль в день, затем по пятьдесят, потом по двадцать, пока Финч не начал вслух сомневаться, не придётся ли им ждать перемены муссона. Но Хусейн вёл самбук вдоль берега, ловил утренние бризы, прятался в бухтах на время штилей, и в конце концов привёл их туда, куда обещал.

— Мы опоздали? — тихо спросил он.

Финч достал карманные часы, посмотрел, захлопнул крышку.

— Нет, мсье. Мы пришли на день раньше, чем я предполагал. Но завтра, послезавтра и все следующие дни вам придётся бежать.

Город оказался совсем не таким, каким они себе его представляли.

Мерсье ожидал найти нечто вроде Каира, только жарче. Вместо этого он обнаружил огромный торговый улей, где,

казалось, не было ни одного человека, который не торговал бы. На набережной стояли склады английской, голландской и французской факторий, каждый под своим флагом, каждый с собственными часовыми, а между ними, в узких улочках, кипела жизнь: армяне в высоких шапках, индусы-баньяны в белых набедренных повязках, персы в длинных халатах, арабские купцы, африканцы с красными тюрбанами, портовые носильщики с огромными корзинами на головах. На улицах шли быки, а один раз мимо них, огромный, медленный, торжественный, с раскрашенной мордой и колокольчиками на бивнях, прошёл слон.

Ууна остановилась как вкопанная. Она не сказала ни слова. Только вытянула руку и показала.

— Слон, — сказал Хейл, не подозревая, как это глупо звучит.

— Это дом, — тихо сказала Ууна по-английски. — Дом на ногах.

— Дом?

— Огромный. И он идёт. — Она оглянулась на Амару. — Он слышит, когда мы говорим. Видишь, ухо повернул.

— Слышит, — подтвердила Амара. — Очень низко. Я чувствую.

Слон прошёл мимо, не обратив на них внимания. Ууна смотрела ему вслед с таким выражением, какого Мерсье у неё никогда не видел: не страха и не любопытства, а чистого, детского благоговения. Он вдруг подумал, что она так смот-

рит на всё новое и что это, наверное, и есть настоящее путешествие.

Проводником в этом хаосе оказался человек, которого Барклай рекомендовал в письме.

Бехрам Мерванджи, парс, брокер и торговый посредник, был сухощавым мужчиной лет пятидесяти, в длинном белом одеянии, с тонкими усами и очень внимательными глазами, похожими на два тёмных камешка. Он встретил их у пристани без церемоний, как встречают старых знакомых, и сразу повёл в тихий дом на окраине, где под навесом стоял накрытый стол.

— Мой друг Барклай писал мне, — сказал он на безупречном английском. — Что вы идёте в горы, и что у вас мало времени. Он забыл добавить, что вы идёте туда, куда никто из европейцев не ходил.

— А вы можете нас туда отвести? — спросила Блэквуд.

— Я? — Мерванджи улыбнулся. — Нет. Я купец, а не проводник. Но я знаю человека, который знает человека. А это в Индии почти то же самое.

— Сколько времени займёт дорога?

— До Кашмира? — Он задумался. — Из Сурата до Агры через Раджпутану, затем в Дели, затем в Лахор, затем в горы. Караван идёт восемьдесят дней, если без спешки. Купцы, которые торопятся, идут пятьдесят.

— А нам?

— Вам нужно сорок.

— Это возможно?

— Нет, — сказал Мерванджи спокойно. — Но я думаю, вы всё равно попробуете.

В комнате было очень тихо. Где-то снаружи заревел осёл, тонко зазвонили колокольчики на храмовых воротах.

— Хорошо, — сказал Торн, который до сих пор молчал. — Расскажите нам, что здесь происходит. Не про дороги. Про людей.

Мерванджи долго смотрел на него.

— Вы умный человек, господин, — сказал он наконец. — Я вам скажу. В Сурате уже три недели живёт один голландец. Они увидели его в тот же вечер.

Президент английской фактории, пожилой, усталый джентльмен по фамилии Лэмб, давал ужин в честь новоприбывших. Ужин был торжественный, с серебряной посудой, жареным павлином и тремя десятками гостей, и Мерсье, привыкший к другому, чувствовал себя неловко в одолженном камзоле, который жал в плечах.

Голландец сидел в конце стола, напротив, рядом с женой какого-то купца. Он был невысок, сед, чисто выбрит, с мягким, добродушным лицом сельского нотариуса. Серый сюртук, серые глаза, серые руки, спокойно лежавшие на скатерти. Он слушал соседку, чуть наклонив голову, изредка кивал и ни разу не поднял взгляда на новых гостей. А когда подали десерт, он вдруг встал, подошёл и остановился перед Блэквуд с тихой улыбкой.

— Мадам. — Он поклонился. — Питер ван Дейк. Секретарь господина Ван Хорна из Амстердама.

— Я знаю, кто вы, — сказала Блэквуд ровно.

— Вы очень проницательны. — Он не смутился. — Мне поручено передать вам предложение. Господин Ван Хорн убеждён, что наши интересы не противоречат друг другу. Он готов финансировать вашу дальнейшую экспедицию в полном объёме. Взамен он просит права на первую публикацию и половину всех находок.

— Нет.

— Вы даже не выслушали.

— Мне достаточно знать, что вы украли блокнот моего коллеги в Каире.

Ван Дейк слегка качнул головой, как человек, которому напомнили о неприятном деле.

— Это был досадный инцидент. Мальчик был слишком усердным. Я бы просил извинения.

— Просите.

— Прошу.

— Принято. — Блэквуд положила вилку. — А теперь уходите.

Он поклонился снова, почти как ученик, и пошёл к своему месту, и в какой-то момент, проходя мимо Мерсье, тихо, так, чтобы никто, кроме него, не услышал, сказал:

— Вы напрасно торопитесь, мсье. Раджа Ранджит Сингх уже давно принадлежит нам.

Мерсье обернулся, но ван Дейк уже сел и вновь слушал свою соседку, склонив голову, как и прежде.

— Он не врёт, — сказал Мерванджи через час, когда они сидели в его доме, и свечи оплыли до половины. — Три недели назад в Сурат пришло судно из Амстердама. Привезло золото. Не для торговли. Для долгов.

— Для чьих? — спросил Торн.

— Всех. — Мерванджи развёл руками. — Купеческий дом Нарайн-дас из Дели, у которого раджа Ранджит Сингх брал деньги на строительство крепости. Банкиры из Агры, Бенарес-дас, Джамшедджи. Ещё шесть или семь. Все они продали свои векселя за золото одному человеку.

— Ван Хорну.

— Господину ван Дейку, который действует от имени Ван Хорна. — Он помолчал. — Теперь раджа должен ему сто двадцать тысяч рупий. И срок платежа в мае. Если он не заплатит, то потеряет княжество.

Торн медленно выдохнул.

— Значит, я не смогу выкупить долги.

— Нет, господин. Ван Хорн их уже выкупил.

Блэквуд поднялась и прошла по комнате. Свечи дрожали от её шагов.

— Значит, раджа теперь работает на него, — сказала она.

— Не обязательно, — осторожно сказал Мерванджи. — Я знаю Ранджит Сингха. Он гордый. Но не дурак. И у него есть одна слабость.

— Какая?

— Он любит свою дочь. Больше, чем княжество. Больше, чем гордость. Ей четырнадцать лет, её зовут Падма, и, как говорят, она единственная в семье, кто умеет читать звёзды.

— Мерванджи улыбнулся. — Я не знаю, что это значит. Но, может быть, вы знаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.